РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе группы А. К. „Рабочій Міръ“

Духъ разрушающій — есть духъ созидающій.

423F
206-A
4

Годъ I. Цюрихъ, 1-го Іюля 1912 г. № 1.

Ленскія событія.

Четвертаго Апрѣля въ далекой сибирской тундрѣ было разстрѣляно 250 человѣкъ и столько же изувѣчено. Это гнусное преступленіе было совершено надъ рабочими, осмѣлившимся бросить работу на золотыхъ пріискахъ „Ленскаго товарищества“. Рабочіе „Ленскаго товарищества“ въ концѣ февраля оставили работу на пріискахъ и предъявили пріисковой администраціи цѣлый рядъ требованій, среди которыхъ были требованія о сокращеніи рабочаго времени до 8 час. въ сутки при работахъ подъ землей и въ водѣ; чтобы съ рабочими расплачивались за произведенную ими работу наличными, а не никуда негодными товарами изъ конторскихъ лавокъ, чтобы ихъ не гноили въ общихъ казармахъ, насквозь пропитанныхъ міазмами и т. д. Таковы требованія, на которыя царское правительство въ лицѣ пропойцы-жандарма сочло нужнымъ отвѣтить массовымъ разстрѣломъ мирной толпы рабочихъ! Цѣлое море крови, и горы труповъ, чтобы г.г. Гинзбурги и Темирязевы получали еще большіе дивиденды, чтобы разные превосходительные и высокопревосходительные мерзавцы могли безъ помѣхи сосать кровь рабочихъ! Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ г.г. баронамъ убійство 500 человѣкъ пока принесло счастье: они умудрились и на этой комбинаціи нажить еще нѣсколько лишнихъ милліоновъ! Подобно легендарному вампиру г.г. бароны сосутъ кровь многихъ милліоновъ людей, будучи увѣренными, что это ихъ занятіе встрѣтитъ поддержку и одобреніе, начиная съ самыхъ низовъ и кончая верхами нашего попечительнаго начальства. „Все для барономъ, ничего для рабочихъ“; таковъ смыслъ рѣчей русскихъ министровъ на запросъ въ думѣ.

„Такъ было — такъ будетъ и впредь“ сказалъ министръ Макаровъ по поводу того же разстрѣла. Еще и еще разъ русскій рабочій услышалъ, что есть начальство, которое изъявляетъ готовность его разстрѣливать, если онъ осмѣлится поднять голосъ противъ своихъ угнетателей. И безъ заявленія главы нашего правительства г.г. бароны были увѣрены, что хозяевами положенія являются они. За ними и въ защиту ихъ интересовъ находится весь государственный механизмъ, начиная съ жандармовъ и солдатъ, готовыхъ по первому приказу разстрѣлять сколько угодно „бунтовщиковъ“, и кончая законодательными учрежденіями въ лицѣ государственной думы и совѣта. Въ государственной думѣ министръ Макаровъ указалъ, что по пріискамъ „шлялись толпы рабочихъ“; вѣдь не принести же въ жертву интересы бароновъ ради какой то „шляющейся толпы“! Мы, анархисты, всегда указывали рабочимъ, что въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ имъ не помогутъ ни кассы, ни представители въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Кассамъ рабочихъ капиталисты всегда могутъ противопоставить куда болѣе богатыя кассы; что же касается до защиты интересовъ рабочаго класса при помощи буржуазнаго законодательства, то не только въ Россіи съ ея маргариновымъ народнымъ представительствомъ, но и въ „свободныхъ“ странахъ рабочіе могутъ разсчитывать самое большее на то, что ихъ не будутъ разстрѣливать, но имъ дадутъ спокойно умирать съ голоду... Уже просыпается въ Россіи рабочій классъ; еще слабы и неувѣренны его шагй. Онъ пока только протестуетъ противъ гнусной бойни, еще съ нѣкоторой опаской бросаетъ онъ свой станокъ и выходитъ на улицу. Еще удается казакамъ и полицейскимъ „разсѣять“ и „разогнать“, но не далекъ уже тотъ день, когда рабочій классъ въ Россіи выкинетъ знамя свободы и соціальной справедливости, тогда онъ однимъ могучимъ ударомъ низвергнетъ и разрушитъ подлую твердыню капитализма, высасывающую кровь милліоновъ работниковъ ради интересовъ небольшой кучки привелигированныхъ. Мы надѣемся, что великій день борьбы за полное освобожденіе человѣка не такъ ужъ далекъ, и торжество г.г. бароновъ будетъ не столь ужъ продолжительнымъ!...

Наши задачи въ грядущей русской революціи.

Я не принадлежу къ лагерю пессимистовъ, утверждаующихъ, будто наша дѣятельность въ Россіи — сплошная неудача, сплошное пораженіе. Нѣтъ, я считаю, что наша дѣятельность, несмотря на тѣ тѣни, которыя бросили на нее наши и подъ нашимъ флагомъ „чужими" совершенныя мелкія экспропріаціи, имѣетъ свѣтлыя стороны, и что первый періодъ нашей дѣятельности во многихъ отношеніяхъ блестящъ! Мы впервые развили передъ широкими массами пролетаріата идею безгосударственности. Въ безумномъ разгарѣ парламентской борьбы, среди оргіи демократизма властно звучалъ голосъ анархизма, безпощадно вскрывалъ пропасть, бездну между классомъ и націей. Что наша пропаганда велась упорно, что она порой стояла на высотѣ, смущавшей и пугавшей нашихъ противниковъ — въ этомъ признавались они сами. Но русскій анархизмъ пошелъ дальше.

Съ самаго начала своей дѣятельности онъ поставилъ своей задачей — всевозможная поддержка и веденіе экономической борьбы. И во многихъ городахъ — какъ-то Бѣлостокъ — анархизмъ неразрывно былъ связанъ съ широкими рабочими массами, выражалъ ихъ нужды, поднималъ ихъ боевую готовность на высоту громадную. Не торжественный развѣ это былъ моментъ, когда бѣлостоцкій пролетаріатъ боролся подъ знаменемъ анархическаго коммунизма, при чемъ лозунги не прятались въ карманъ, не обезличивались „безпартійнымъ" клеймомъ, а подчеркивались рѣзко и выпукло!... Скажутъ: ваша антипарламентская пропаганда реальныхъ плодовъ не дала. Народъ выбиралъ въ Думы. Такъ. Но, господа, народъ выбираетъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пропаганда велась и ведется усиленно и планомѣрно, ведется десятки лѣтъ.

Развѣ паденіе идеи парламентаризма наблюдаемъ мы въ Испаніи? Развѣ ростомъ антипарламентаризма можно характеризовать Италію, обсуждающую проэктъ расширенія избирательныхъ правъ? Развѣ французскій синдикализмъ рѣзко и непримиримо ставитъ вопросъ о бойкотѣ представительныхъ учрежденій? Значитъ ли наши антипарламентскія кампаніи нигдѣ ничего не дали? Нѣтъ. Такой выводъ можетъ сдѣлать лишь туповатый дѣлецъ. Это означаетъ лишь: корни парламентскаго идіотизма глубоки; приливы и отливы этой мутной волны обуславливаются весьма сложными причинами... а если такъ, то можно ли измѣрить неуспѣхъ нашей пропаганды тѣмъ, что народъ выбиралъ?...

Да, но все погибло! Ничего не осталось!

Такъ. Бѣшенство реакціи обрушилось раньше всего на насъ. Военно-полевая юстиція, занимавшаяся такъ бойко „оттяпаньемъ головъ" (выраженіе союзниковъ въ Думѣ), опустошила наши ряды.

Такъ было: вѣдь „они" всѣ полны жгучей ненависти къ идеѣ безвластія!

Такъ будетъ: вѣдь „они" со всѣми примирятся на „культурныхъ" началахъ.

Но не съ нами. И все же: не черезъ чуръ ли смѣло заявленіе о томъ, что все погибло? Погибло, или притаилось? Слѣдили ли за газетами за все время реакціи?

Вѣдь группы упорно возникали, геройски боролись со смертью?

А вѣдъ милліонная лишь часть попытокъ дошла, вѣроятно, до легальной прессы! И не отъ нашей развѣ воли, самодѣятельности зависитъ, чтобы время оживленія сдѣлалось временемъ оживленія положительныхъ, а не отрицательныхъ сторонъ работы? О, мнѣ въ голову не приходитъ мысль идеализировать прошлое. Недостатковъ много. Были ненужные пріемы борьбы. Таковъ безмотивный терроръ, который я признавалъ. Этотъ безмотивный терроръ — уже не говоря о несчастной формѣ, въ которой онъ проявился въ Россіи — *я всецѣло отрицаю.* Недостатковъ было много.

Не было достаточно обращено вниманіе на выработку идейныхъ людей; не хватало умѣнія закрѣплять организаціонно результаты работы въ массахъ; работа среди крестьянъ велась крайне не планомѣрно; переоцѣнивался внѣшній, механическій боевизмъ — этимъ были порождены всѣ крайности, уродства экспропріаторства. Но нельзя „вмѣстѣ съ водой выплеснуть и ребенка".

Нельзя забывать, что громадная работа была совершена. И я не стыжусь, а горжусь первой серіей русскихъ работниковъ на нивѣ народной.

Но былъ еще одинъ недостатокъ: это колебаніе между минимализмомъ и максимализмомъ. И это колебаніе сыграло громадную глубоко отрицательную роль; объ этомъ и надо поговорить подробно.

576345
52 39

Двоякого рода догматизмъ проявился въ русской революціи. Догматизмъ марксистовъ и догматизмъ фракціи с. р. максималистовъ. Марксисты говорятъ: будетъ буржуазная революція. Максималисты-с. р. — будетъ соціальная революція (экспропріаціи земли, фабрикъ и заводовъ).

И то и другое „должно“ — догма, утвержденіе, не основательное, не продуманное. Анархисты догматизмомъ подобнаго рода не страдали. Этимъ можетъ и объясняется отсутствіе въ нашихъ рядахъ унынія, охватившаго нѣкоторыхъ „бывшихъ“ максималистовъ. Но упомянутое качество чисто отрицательнаго свойства.

Очень хорошо, что мы *не были* догматиками, но важно знать каковы были наши *положительныя* стороны, наши реальные лозунги?

Тутъ-то и выступаютъ наши недочеты.

Въ прокламаціяхъ и рѣчахъ мы увѣряли, что хотимъ всей воли, передачи богатствъ, земли въ руки организованнаго труда.

Но лозунги эти совпадали-ли съ нашими реальными намѣреніями? Жила-ли въ насъ цѣльность, это обязательное условіе практическаго творчества? *Нѣтъ.*

Утверждая, что мы хотимъ *всей* воли, мы въ сущности вкладывали сюда *отрицательное* понятіе, именно: мы *не* хотимъ програмы минимумъ, мы *не* хотимъ парламента, *не* хотимъ отвѣтственнаго министерства. Да, мы этихъ „благъ“ не хотѣли, и здѣсь-то мы цѣльны и послѣдовательны, но, опять таки, была та цѣльность, которая сдѣлала-бы насъ практиками-максималистами? (Подъ словомъ максимализмъ разумѣемъ здѣсь не фракцію „максималистовъ“, конечно). Отсутствіе цѣльности, единства отразилось губительно на самой формулировкѣ нашихъ задачъ, она носила печать той же раздвоенности. Вспомнимъ среднюю типичную формулировку, тичную для цѣлаго направленія русскихъ анархистовъ; кажется, я не ошибусь, если скажу, что позиція этихъ товарищей можетъ быть формулированна такъ: *республика, конечно, лучше самодержавія.* Выгоды кое-какія народу „даетъ“.

Но буржуазная республика не только не идеалъ, но она сохраняетъ ту же эксплоатацію массъ подъ другой лишь формой.

Революція — время сверженія массами оковъ стараго міра. Станемъ-ли мы, революціонеры, создавать программы минимумъ, эту плотину народному движенію?

Мы хотимъ всѣмъ хлѣба, всѣмъ воли и всей воли. *Свобода слова, собраній, печати* важны, нужны; но мы ихъ возьмемъ силою, не требуя, чтобы ихъ освящалъ законъ; возьмемъ, походя мимоходомъ.

Кажется, точка зрѣнія нами изложена полно и ясно. Но цѣльна-ли она? Не отразилась-ли въ ней та двойственность, которая, впрочемъ, жила въ душѣ и анархистовъ другихъ фракцій? *Логически* иначе формулировать наши задачи?

Приведенная точка зрѣнія уничтожаетъ раздвоенность? Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ мы признали важнымъ часть благъ, входящихъ и видное мѣсто занимающихъ въ программѣ минимумъ демократовъ, то мы за эти „блага“ демократическія должны бороться.

Совершенно при этомъ безразлично, насколько формально мы имѣемъ право *назвать* свободу слова, печати типично-демократическими благами (пріемлимое подраздѣленіе даетъ „Черное Знамя“ въ статьѣ о Демократіи).

Сейчасъ насъ интересуютъ реальныя *дѣйствія,* обмежевывающія насъ отъ демократовъ.

Каковы же онѣ, дѣйствія эти? Мы беремъ захватнымъ правомъ? Но вѣдь къ захватному „праву“ прибѣгаютъ во время революціи с. д., с. р. и въ достаточно полной, достаточно сильной степени!

Да что это была бы за *принципіальная* позиція, если бы она основывалась только на *большемъ* или *меньшемъ* проявленіи революціонности! Скажутъ, мы вѣдь не требуемъ, чтобы „завоеванныя“ народомъ права сдѣлались закономъ! Такъ. Но это характеризуетъ скорѣе разницу въ соціологическихъ основахъ, чѣмъ разницу „дѣйствія“. Во всякомъ случаѣ, широкимъ массамъ эта разница врядъ-ли будетъ понятна. И, наконецъ, эта разница все же лежитъ на плоскости „минимума“ и прямого отношенія къ *соціальной* революціи не имѣетъ. Дальше: „мы не ставимъ революціи никакихъ преградъ“, говорятъ анархисты. Но, собственно, преградъ никто не ставитъ. Не ставятъ преградъ большевики. Они разсуждаютъ такъ: мы призываемъ къ буржуазной революціи.

Но *если* западно-европейскій пролетаріатъ, подъ вліяніемъ-ли войны, подъ вліяніемъ-ли той же русской революціи подымется и развернетъ знамя соціализма, тогда и русскій пролетаріатъ будетъ аттаковать всѣ твердыни современнаго общества.

Еще менѣе мы вправѣ упрекать с. р. въ догматическомъ пониманіи программы минимумъ.

Очевидно, что лишь тогда, когда мы выбрасываемъ всякое „если", когда мы не *поджидаемъ*, а реально *приступаемъ* къ аттакѣ основъ современнаго общества, очевидно, что тогда лишь мы вносимъ новое, творческое начало въ революцію.

Въ противномъ случаѣ мы вѣдъ *реально* боремся рядомъ со всей оппозицией (революціонерами, конечно), но мы иначе *толкуемъ* эти наши дѣйствія, чего-то иного *ждемъ*. Но что мы дѣлаемъ для нашего идеала? И не будутъ-ли правы наши противники, если обратятся къ намъ съ такой рѣчью: „напрасно вы, анархисты, мечете громы и молніи противъ минималистовъ, и вы минималисты"! Вамъ безразлична форма правленія? Пусть. Но вѣдь свобода слова, печати, коалиціи необходимы? За нихъ надо бороться?

Ну, вотъ вы и боретесь за сверженіе самодержавія, благо, оно и, повашему, хуже республики. Насъ вы упрекаете въ суженіи размаха революціи. Пусть. А гдѣ ваши попытки къ организаціи бунтующихъ массъ съ цѣлью захвата богатствъ, земли? Ихъ нѣтъ. Получается впечатлѣніе будто вашъ максимализмъ — митинговая, полемическая, парадная фраза. Получается впечатлѣніе, будто бы работаете нецѣльно, на два фронта: „молъ, пусть въ исторіи будетъ записано, что анархисты-коммунисты требовали всего, да вотъ демократы помѣшали"...

Чтобы выйти изъ неважнаго положенія провозглашателей лозунговъ широкихъ, намъ необходимо признать вотъ что: вышеприведенная формула, которой мы характеризовали взгляды значительной части анархистовъ-коммунистовъ, расчленимъ, если мы признаемъ, что въ ней спутаны, смѣшаны двѣ позиціи, два теченія, два лозунга. Постараемся формулировать каждый изъ нихъ. Замѣтимъ: мы *только* расчленяемъ. Мы не высказываемъ ни своихъ симпатій первой, ни антипатіи второй. Мы только формулируемъ — при томъ въ крайне общихъ и потому не совершенныхъ чертахъ.

Первый лозунгъ.

„Заявляемъ: пролетаріатъ заинтересованъ въ сверженіи самодержавія. Безъ этого — нѣтъ возможности реальной борьбы. Мы не настолько вѣримъ въ возможность ближайшей соціальной революціи, чтобы во имя соціальной революціи дѣйствіями противопоставить себя всѣмъ соціалистамъ и революціонерамъ демократамъ. Наоборотъ. Мы бьемъ врага вмѣстѣ съ демократами, ибо рабочимъ нужны свободное слово, свободныя, автономныя организаціи. Необходима борьба и за самоопредѣленіе націи. *Если* въ ходѣ революціи убѣдимся въ возможности аттаковать твердыни буржуазіи — въ добрый часъ! Минималисты ли мы? — Да. Безъ парламентаризма, конечно. Признаемъ-ли общенаціональную задачу? Да. Только безъ связыванія себя *въ дальнѣйшемъ* законами и законными рамками".

Такая точка зрѣнія — цѣльна. Въ ней нѣтъ двойственности. По крайней мѣрѣ, нѣтъ яснаго максимализма и тайнаго минимализма, Она — обязываетъ.

И если есть сторонники такого взгляда — пусть они открыто, цѣльно и послѣдовательно разовьютъ её. Пусть дадутъ такой точкѣ зрѣнія обоснованіе, одѣнутъ въ плоть и кровь. Тогда она сможетъ быть подвергнута всестороннему анализу.

Второй лозунгъ:

„Мы организуемъ трудовыя массы съ *единственной* цѣлью: захвата земли и фабрикъ, разрушенія центральной власти, организаціи трудовыхъ коммунъ, федераціи. Мы не подчиняемся *никакимъ* постановленіямъ ультра — революціонныхъ совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, если онѣ идутъ въ разрѣзъ съ нашей *единственной* задачей — осуществленіе трудового революціоннаго самоуправленія. Ни о какихъ свободахъ слова, печати, ни объ улучшеніи условій будущей борьбы мы не думаемъ; не потому, чтобы мы ихъ теоретически не признавали — это особый вопросъ — а эти „права" *не тд*, что мы хотимъ и можемъ воплотить во время революціи.

— Но вы раскалываете единную революціонную армію?

— Да, отвѣтимъ мы, мы хотимъ *этого* раскола, хотимъ яснаго и яркаго дѣленія на сторонниковъ уничтоженія царской власти, крупной поземельной собственности и сторонниками уничтоженія частной собственности и центральной власти.

Скажутъ: „а черносотенная опасность? Опасность реакціи"?

— Да, она есть, эта опасность. Если мы сдѣлаемъ для буржуазіи *реальной* „красную" опасность, буржуазія сдѣлаетъ вѣроятно, „черную" опасность. Такъ было, такъ будетъ. И если русской революціи суждено поставить во вѣсь свой ростъ вопросъ экспропріаціи частной собственности, если великая грядущая битва за реальное счастье

народовъ не „законъ“, но и не мечта, а великая, къ бою завущая радостная возможность, то станемъ-ли смущаться и удивляться возможности реставраціи стараго порядка? И развѣ будетъ такая ситуація, при которой этой опасности не было бы?

Догматики-ли мы? Нѣтъ. Мы говоримъ о возможности, достаточной для организаціи воли, а не о велѣніяхъ объективныхъ законовъ. И все же мы безусловные максималисты (не въ смыслѣ фракціи, повторяемъ), ибо считаемъ организацію трудовыхъ коммунъ реальнй и безусловной задачей нашей“.

Таково *второе* положеніе. Мы изложили вторую позицію подробнѣе, не потому, чтобы мы ее предпочли первой, — повторяю, мы только формулируемъ, а потому что она по существу труднѣе.

На одномъ лишь мы настаиваемъ: вышеприведенное подраздѣленіе *необходимо,* иначе мы не покончимъ съ кустарничествомъ. Знаю, что найдутся „широкіе“ люди. Они скажутъ: не нужны эти подраздѣленія. Они не реальны. Это — выдумка, теоріи. Эти „широкіе“ люди ошибаются. Я не даю никакихъ лозунговъ. Я лишь указываю на двойственность, двойственность глубокую, опустошательную, вносящую хаосъ и туманъ.

Корни этой двойственности должны быть выяснены тщательно, послѣдовательно, мужественно. Слѣдуетъ избѣгать общихъ словъ, рыхлой, трусливой, какъ будто всеобъемлещей, а на дѣлѣ все спутывающей постановки. И только съ исчезновеніемъ двойственности появятся у насъ люди твердой воли, появятся настоящіе практики.

Стыдно сказать: у насъ вѣдь ужасно мало *практиковъ,* тѣхъ, которые съ лихорадочной быстротой претворяютъ *слово* въ *дѣло.*

Это показываетъ, между прочимъ, на неустойчивость *не нашей теоріи,* а линіи поведенія.

Эту неустойчивость надо удалить. А для этого необходимо ее выяснить!

Сдѣлайте это поскорѣе, товарищи! *Рощинъ.*

О воспитательномъ значеніи закона.

Насъ часто спрашиваютъ: „какъ можете вы, быть анархистами! Вѣдь, нельзья жить безъ законовъ. Всегда будутъ въ обществѣ люди, которыхъ ничѣмъ, кромѣ какъ палкою, не уговорите поступиться своимъ личнымъ грубымъ интересомъ въ пользу другихъ. Будетъ-ли эта палка — параграфомъ уголовнаго уложенія, или же вы просто исключите такого человѣка изъ общества безъ всякой ссылки на писаный законъ и обречете тѣмъ его на голодную смерть — это споръ о словахъ. Безъ закона, т. е., безъ общественнаго принужденія, не обойдетесь, хотя бы вы и называли это не закономъ, а обычаемъ“.

Нетрудно отвѣтить на подобнаго рода замѣчанія. Всѣ люди, живущіе въ одну эпоху и въ одной странѣ, тѣмъ самымъ уже имѣютъ нѣкоторые болѣе или менѣе общіе взгляды на то, какъ нужно поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни. Войти безъ позволенія въ чужую квартиру считается, напримѣръ, въ наше время не только неприличнымъ, но и прямо наказуемымъ. А разъ это такъ, то безспорно, что эти общіе взгляды выразятся въ обязательныхъ предписаніяхъ, оффиціальныхъ или основанныхъ на молчаливомъ признаніи, и можно даже согласиться, чтобы не осложнять спора съ нашими противниками (хотя это и не совсѣмъ такъ), что такія предписанія сдерживаютъ нѣкоторые унаслѣдованные нами изъ прошлаго инстинкты и поддерживаютъ особенно разнузданныя натуры внѣшне на уровнѣ средней общественной нравственности.

Пусть все это такъ, но вѣдь, жизнь идетъ впередъ, одна эпоха смѣняется другою, и что вчера допускалось и даже требовалось всѣми, становится со временемъ признакомъ разнузданности, преступленіемъ. Въ наше врсмя даже нѣкоторые буржуазные ученые видятъ въ неограниченномъ стремленіи капиталиста распоряжаться самовольно своею фабрикою на основѣ „священнаго“ права собственности не только грубость натуры, но и общественную опасность, въ то время какъ дѣды этихъ ученыхъ обстоятельно доказывали право однихъ людей вымѣнивать себѣ подобныхъ на борзыхъ собакъ.

И въ этомъ весь вопросъ: законы-ли дѣлаютъ людей другими или же сначала мѣняются люди, а законы только отражаютъ блѣдно, и насовершенно внутренее измѣненіе людей?

Наши противники говорятъ: законы не только удерживаютъ людей отъ возврата къ грубости ихъ предковъ, но и ведутъ ихъ впередъ, и потому очень важно пріобрѣсти

наибольшее (возможное) вліяніе на законодательную машину, для того чтобы теперь уже кроить ею законы будущаго. И отвлекая на эту дѣятельность лучшія силы людей, они развращаютъ ихъ ложною вѣрою во всесиліе внѣшней организаціи и убиваютъ въ нихъ то творческое начало, которое одно способно возбудить въ человѣкѣ сознаніе, поднимающее его надъ мертвой буквой закона, перевоспитать его и этимъ привести помимо внѣшняго, механически грубаго принужденія, къ новымъ истинно-свободнымъ формамъ жизни.

Пониманіе нашими противниками общественнаго прогресса основано на слѣдующихъ предпосылкахъ. Массы поручаютъ отдѣльнымъ лицамъ участіе въ законодательствѣ. Отдѣльныя эти лица, конечно, достаточно умны и благородны, чтобы использовать ввѣренную имъ власть наилучшимъ образомъ въ направленіи къ созданію и развитію новаго „свободнаго“ строя. Какъ все это ни мало вѣроятно, но если даже и согласиться со всѣмъ этимъ, то отъ одного уже предположенія такого безусловнаго довѣрія массъ къ законодателямъ вѣетъ безутѣшной скукой и пошлостью, ибо это довѣріе куплено цѣной усыпленія пролетарской воли; оно — это довѣріе — колыбель рабства, оно-же — могила для творчества массъ. А если мы допустимъ, что такого довѣрія не будетъ, и что масса откажется повиноваться законамъ, выработаннымъ ея избранниками, тогда картина получается уже не скучная, а кровавая и нелѣпая: представители народа силой заставятъ народъ подчиняться законамъ, яко бы выработаннымъ „волею“ народа.

Это-ли не банкротство всей системы?

Вотъ потому мы и утверждаемъ, что вмѣсто преувеличенной заботы о внѣшнемъ усовершенствованіи законодательства, гораздо важнѣе и выгоднѣе рабочему классу направить всѣ свои усилія прежде всего на поднятіе и развитіе классоваго самосознанія въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. И споръ нашъ ведется не въ сферѣ отвлеченныхъ понятій; напрасно противники наши упрекаютъ насъ въ утопичности или крайней идеализаціи.

Идейный споръ здѣсь, какъ и вездѣ, идетъ о реальномъ предметѣ — о вліяніи на ту отсталую и косную часть прелетаріата, которая еще не доросла до пониманія интересъ своего класса, и которую наши противники тянутъ за собою на путь парламентской агитаціи, а наши единомышленники приглашаютъ свободно примкнуть къ передовымъ кадрамъ своего же класса и самимъ дѣлать свою исторію.

И вотъ, допустимъ, что мы эту отсталую часть пролетаріата, которой внушается, будто главнѣйшая ея обязанность по отношеніи къ будущему строю исчерпывается ея механическимъ участіемъ въ выборѣ современныхъ законодателей, привлечемъ къ тому живому дѣлу, внутренняго перерожденія на лонѣ самостоятельно выработанныхъ пролетаріатомъ организацій, и безъ котораго ничто никогда измѣниться не можетъ, — развѣ мы, совершивъ эту работу, не докажемъ этимъ нашимъ противникамъ правоту нашихъ воззрѣній на законъ, на его усыпляющее и задерживающее движеніе впередъ вліяніе, совершенно независимо отъ безплодныхъ въ наши дни разсужденій о томъ, какъ этотъ законъ будетъ исправлять воображаемыхъ преступниковъ въ будущемъ строѣ?

Е. Артемьевъ.

О классовой борьбѣ и классовомъ сотрудничествѣ.

Насколько неоспоримо, что вся современная исторія протекаетъ подъ сильнымъ, все обостряющимся вліяніемъ рабочаго движенія, настолько же очевидно и то, что въ различныхъ государствахъ рабочее движеніе приняло различныя формы. Въ то время, какъ въ Англіи и Франціи оно преимущественно *внѣполитическое,* т. е. имѣетъ непосредственнымъ содержаніемъ прямую борьбу рабочихъ противъ капитала, происходящую между двумя враждующими категоріями совершенно независимо отъ государства и при полномъ игнорированіи законодательныхъ учрежденій, — въ то время, какъ тамъ руководство имъ лежитъ не въ рукахъ политической партіи, а рабочихъ синдикатовъ, оно въ Германіи протекаетъ почти всецѣло въ политическомъ руслѣ, подъ гегемоніей соціальдемократической партіи. Этимъ объясняется, почему *результаты* рабочей борьбы дѣйствительны и прочны въ Англіи и, наоборотъ, неглубоки, только внѣшни въ Германіи. Этимъ-же доказывается, что количество „рабочихъ“ представителей въ парламентахъ не служитъ показателемъ силы пролетаріата въ данной странѣ, не находится ни

въ какомъ соотношеніи съ его дѣйствительной мощью, а чаще всего зависитъ лишь отъ временныхъ и случайныхъ побочныхъ причинъ. Если-би мы хотѣли, какъ дѣлаютъ это многіе соціалисты, заключать о силѣ рабочаго движенія, какъ движенія классоваго, по величинѣ парламентскихъ рабочихъ фракціи, то намъ пришлось-бы признать первенство за германскимъ рабочимъ движеніемъ, ибо въ нѣмецкомъ парламентѣ число соціалистовъ значительно, больше чѣмъ вдвое превосходитъ ихъ численность въ англійскомъ. Между прочимъ, тотъ фактъ, что величина парламентской фракціи не служитъ даже въ приблизительной степени отраженіемъ дѣйствительной силы или роста пролетаріата, доказывается еще и тѣмъ, что германской соціалистической партіи на послѣднихъ выборахъ удалось *удвоить* количество своихъ парламентскихъ представителей по сравненію съ выборами 1907 г., несмотря на то, что избирательная система и избирательныя возможности для пролетаріата остались неизмѣненными. Конечно, очень ошибся-бы тотъ, кто изъ этого факта залючилъ-бы, что за пять лѣтъ, съ 1907 по 1912 г. г., сила германскаго пролетаріата удвоилась!

Но если численность парламентскихъ соціалистическихъ фракцій не находится въ соотвѣтствіи съ силою пролетаріата въ данной странѣ, — если, какъ, напр., въ Германіи, пролетаріатъ слабѣе, чѣмъ объ этомъ можно было-бы заключить по численности соціалистовъ въ нѣмецкомъ парламентѣ, или, какъ въ Англіи, онъ значительно сильнѣе, чѣмъ объ этомъ свидѣтельствуетъ парламентская рабочая фракція, то является вопросъ: можно и должно-ли считать соціалистическія партіи единственными и дѣйствительными выразителями *классовой* воли и *классовыхъ* требованій *пролетаріата?* Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся ненадолго на фактахъ, опредѣляющихъ тотъ или иной составъ законодательныхъ палатъ, въ смыслѣ ихъ соціалистическаго представительства.

Извѣстно, что германская соціальдемократическая партія ведетъ избирательную агитацію отнюдь не только въ рабочей средѣ, а и въ буржуазной, и что въ извѣстные моменты мелкая и средняя буржуазія весьма склонна отдавать свои голоса соціальдемократическимъ кандидатамъ. Въ такіе маменты избраніе того или иного числа соціалистическихъ депутатовъ зависитъ не исключительно отъ *классовой* воли пролетаріата въ чистомъ видѣ, а отъ *совмѣстнаго* дѣйствія, отъ *сотрудничества* съ пролетаріатомъ буржуазныхъ элементовъ, не только не сочувствующихъ конечнымъ требованіямъ пролетаріата, но относящихся къ нимъ явно враждебно. Эти буржуазные элементы отдаютъ свои голоса соціалистамъ всегда постольку, поскольку ихъ въ данный моментъ не удовлетворяетъ политика господствующихъ классовъ и поскольку соціалистическая партія на избирательныхъ собраніяхъ выступаетъ съ отвѣчающими ихъ интересамъ *радикально-буржуазными* лозунгами. Такимъ образомъ нѣмецкая соц.-дем. партія, чтобы заручиться категоріей буржуазныхъ избирателей, ничего общаго съ пролетаріатомъ и его классовыми требованіями не имѣющей (т. наз. „Mitläufer“, — попутчики), должна приноравливаться къ этой чуждой пролетаріату средѣ. Этотъ процессъ приспособленія происходитъ путемъ пониженія соціалистическихъ лозунговъ до буржуазно-радикальныхъ, т. е. путемъ превращенія изъ партіи соціальнаго переворота въ партію демократическихъ реформъ. Такое превращеніе, свидѣтельствуя, что соціалистическая партія *не* является во время выборовъ выразительницей классовыхъ требованій пролетаріата (она не является ею вообще, но объ этомъ послѣ), вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему по соціалистической фракціи въ нѣмецкомъ парламентѣ нельзя судить о силѣ германскаго пролетаріата.

Еще болѣе характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить французская соціалистическая партія. Насчитывая въ своихъ рядахъ не больше 50.000 членовъ, изъ которыхъ лишь $^1/_3$ рабочихъ, она на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ собрала около 1 милліона голосовъ. Однако, этотъ избирательный „успѣхъ“, какъ потомъ выяснилось, имѣлъ весьма печальныя основанія. Оказалось, что наибольшіе успѣхи французскіе „соціалисты“ одержали въ крестьянскихъ округахъ. Но это, конечно, отнюдь не слѣдуетъ приписать соціалистичности французскаго мелкаго землевладѣльца, а . . . курьезной „соціалистичности“ французскихъ „соціалистовъ“, которые, на предшествовавшемъ выборамъ С.-Этьенскомъ конгрессѣ, приняли предложенную Гэдомъ (самымъ ортодоксальнымъ изъ французскихъ соціалистовъ) резолюцію о сохраненіи крестьянамъ, въ моментъ революціи, частной земельной собственности!

Практика соціалистическихъ политическихъ выступленій, теоретически исходя изъ вѣрнаго положенія о существованіи классовыхъ противорѣчій, de facto на каждомъ шагу изобилуетъ компромиссными уступками буржуазному демократизму и подчасъ сливается съ нимъ. Въ дѣйствительности практика соціалистическихъ партій опирается на принципъ *сотрудничества* классовъ, положенный *буржуазіей* въ основу парламентарнаго правопорядка, – на принципъ, исключающій революціонные методы классовой борьбы. Вотъ почему фактъ голосованія буржуазныхъ элементовъ за „соціалистическихъ„ депутатовъ понятенъ и возможенъ. Установивъ это, мы получимъ ясный отвѣтъ на поставленный

выше вопросъ, — отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что соціалистическая партія *перестаетъ* быть *рабочей* партіей каждый разъ въ той мѣрѣ, въ какой она выдвигаетъ общіе съ радикальной буржуазіей политическіе лозунги, отступая, такимъ образомъ, отъ специфически — рабочихъ экспропріативныхъ задачъ.

Совершенно естественно, что, по мѣрѣ развитія производственныхъ отношеній, по мѣрѣ углубленія классовыхъ противорѣчій и классоваго антагонизма, жизнь наполняется революціоннымъ содержаніемъ. Поэтому вліяніе на пролетаріатъ политически-реформаторской партіи, каковою всюду является партія соціалистическая, съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ революціонизируется. Съ воспитаніемъ въ немъ *классовой воли* онъ, какъ коллективъ, сознательно и планомѣрно стремится къ соціальной экспропріаціи, къ тому, чтобы перестать быть *объектомъ* производства, а стать *субъектомъ* его. Съ этого момента силы пролетаріата начинаютъ быстро переростать искусственно созданныя буржуазіей политическія формы государственно-классоваго угнетенія, и по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать, что классовое сотрудничество становится для него излишнимъ и невозможнымъ, онъ объявляетъ разрывъ съ политическими формами борьбы и соціалистической партіей. Онъ становится на путь изолированной, самостоятельной борьбы, организуясь для этого въ *революціонные синдикаты*.

Революціонная борьба пролетаріата всегда бываетъ направлена не только противъ буржуазіи, но и противъ государства, въ какой-бы формѣ оно себя ни проявляло. Еще Марксъ установилъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, что „современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи“. Это, въ свое время, заставило Гэда сдѣлать совершенно правильный выводъ, что „для пролетаріата безразлично, какая въ странѣ форма правленія: монархическая или республиканская“. И западно-европейская демократическая дѣйствительность давно подтвердила всегда подчеркиваемый анархистами и революціонными синдикалистами фактъ, что между монархическимъ и республиканскимъ угнетеніемъ рабочаго класса нѣтъ существенныхъ различій. *Монархія и демократія лишь различныя внѣшнія формы организаціи буржуазіи, и всякій парламентъ, политическое орудіе буржуазнаго строя, — строя, по существу своему враждебнаго рабочему классу, — тѣмъ самымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только орудіемъ угнетенія рабочаго класса.*

Для достигшаго опредѣленной зрѣлости пролетаріата антигосударственная борьба неизбѣжна, — она диктуется логикою его классоваго положенія, вытекаетъ изъ этого положенія. Стремящійся къ уничтоженію частной собственности, къ соціальной экспропріаціи, рабочій классъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и государственность, необходимую лишь для охраны частной собственности и духовнаго закрѣпощенія личности.

Естественно, что борьба россійскаго пролетаріата, поскольку она будетъ сознательно классовой, приметъ то-же антигосударственное направленіе. Но мы не будемъ ждать, пока „объективный ходъ вещей“ приведетъ пролетаріатъ къ пониманію своихъ насущныхъ классовыхъ задачъ, а будемъ активно разрушать полурелигіозную, традиціонную вѣру въ государство, всегда тѣсно связанную съ замаскированной пропагандой классоваго сотрудничества.

Александръ Ге.

Хроника борьбы.

Во всѣхъ городахъ Россійской имперіи рабочіе объявляли однодневныя забастовки протеста противъ Ленской бойни. Въ Петербургѣ бастовало 60 т. человѣкъ.

Въ празднованіи Перваго Мая принимало участіе огромное количество рабочихъ: въ одномъ Петербургѣ по официальнымъ даннымъ бастовало 200 т. человѣкъ. Во многихъ городахъ бастующіе устраивали демонстративныя съ красными и черными флагами шествія, которыя разгонялись полиціей и казаками. Рабочіе теперь повсемѣстно вступаютъ въ упорную борьбу со своими хозяевами: въ цѣломъ рядѣ городовъ бросаютъ работу и выставляютъ требованія объ улучшеніи условій труда, увеличеніи заработной платы, уменьшеніи рабочаго времени и т. д. Много фабрикъ и заводовъ разсчитываютъ рабочихъ и временно или навсегда перестаютъ функціонировать. Въ Одессѣ закрылась мастерская „Русскаго Общества“ (1000 ч.), на Ижорскихъ заводахъ угрожаютъ разсчетомъ, въ Николаевѣ прекращены работы на судостроительномъ заводѣ (4000 ч.), въ Екатеринославской губ. бастуютъ тысячи рабочихъ. Хозяева твердо отстаиваютъ свое „священное право“, но и рабочіе не сдаются. Среди рабочихъ начинаютъ развивать усиленную дѣятельность и г.г. „политики“; близятся выборы въ четвертую Думу, и ими обсуждаются и вырабатываются предвыборные планы. Надо надѣяться, что русскіе рабочіе съумѣютъ использовать свой собственный опытъ и опытъ своихъ западно-европейскихъ товарищей и не попадутся на удочку „друзей“, предлагающихъ имъ панацею — выборы, выборы во что-бы то ни стало, выборы, даже въ такой „парламентъ“, какъ наша Дума! . . .